

ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РОМАНЕ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА» И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В фокусе исследования — лексические и синтаксические средства выражения неопределенности в русских переводах романа «Приключения Тома Сойера», проанализированные на фоне оригинала. Составляя специфическую группу эгоцентриков, показатели неопределенности реализуют в романе функции, способствующие субъективизации нарратива. Результаты изучения переводов подтверждают гипотезу Е. В. Падучевой о специфике реализации неопределенности как семантической доминанты русской языковой картины мира.

Ключевые слова: эгоцентрики, неопределенность, перевод, Марк Твен.

Введение

Ракурсы изучения языковых средств, реализующих значение неопределенности, в лингвистике неоднократно менялись. Формальный подход, постулирующий наличие или отсутствие грамматических средств выражения категории определенности/неопределенности в том или ином языке на определенном этапе развития (см. [1]), дополнился семантическими исследованиями, позволившими сопоставить репертуары не только морфологических, но также лексических и синтаксических средств выражения неопределенности ([7; 16; 20] и мн. др.), внимание к прагматическим функциям соответствующих элементов способствовало их изучению в контексте теории речевых актов, дискурсивного анализа ([6; 15; 19] и др.). В рамках нарратологии и стилистики показатели неопределенности также вызывают повышенный интерес: их роль в организации конкретных художественных текстов, реализации идиостиля писателей описана в значительном количестве научных работ ([3]; [8] и мн. др.).

Особого внимания заслуживают труды, рассматривающие те или иные показатели неопределенности в рамках сферы эгоцентрических средств языка, или способов выражения модуса. Так, Е. В. Падучева причисляет к эгоцентрикам неопределенные местоимения и наречия, а также слабоопределенные местоимения [13. С. 261, 282; 14. С. 17, 371], Н. К. Ониненко рассматривает субъектные кванторные «эгоцентрические нули» в неопределенно-личных конструкциях [11. С. 113—114], Е. Н. Никитина изучает использование соответствующих типов предложений как средств реализации эгоцентрической техники [9].

Действительно, все средства выражения значения неопределенности задействованы в конструировании текстовой субъективности: они указывают на огра-

ниченность познавательных или интерпретационных возможностей субъекта модуса (персонажа, чья точка зрения представлена в тексте, нарратора или читателя, чьей информированностью автор текста управляет).

Опыты сопоставительного изучения русскоязычных текстов и их переводов на западноевропейские языки побудили ученых сформулировать некоторые предположения о специфике роли категории неопределенности в русской языковой картине мира и об особенностях функционирования соответствующих показателей (подробнее см. ниже). Эти предположения стимулируют продолжение исследований на расширенном материале, в новых ракурсах.

На данный момент проведено значительное количество сравнительных исследований репертуаров средств выражения значения неопределенности как в разноструктурных, так и в родственных языках ([2], [5] и др.), однако работы по сопоставительному изучению функционирования показателей неопределенности в параллельных корпусах текстов [10] только начинают появляться. Именно это направление изучения неопределенных эгоцентриков востребовано, так как оно может помочь выявить и систематизировать не только грамматические и семантические, но и прагматические факторы введения в текст этих элементов.

Материалом нашего сопоставительного исследования¹ стали шесть русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», созданные на протяжении столетия (с конца XIX по начало XXI в.). Это переводы С. Воскресенской

¹ Подробные данные о русских переводах романа «Приключения Тома Сойера» опубликованы на исследовательском сайте А. В. Уржи (http://urzha.ru/?page_id=1649). В статье привлечены материалы шести оцифрованных русских переводов романа, формат которых позволяет провести не только лингвостилистический, но и количественный анализ.

(1896), М. Энгельгардта (1911), К. Чуковского (1935, ред. в 1958), Н. Дарузес (1948), С. Ильина (2011) и А. Климова (2012). Сопоставление русскоязычных версий текста между собой относительно оригинала позволяет учесть и факторы расхождения двух языковых систем, и индивидуальные переводческие стратегии воссоздания семантики и прагматики первоисточника.

В работе использован метод сопоставительного функционально-семантического исследования англоязычного текста и его переводов, при котором материал рассматривается в ракурсе интерпретации смыслов, заложенных автором текста, и функций, реализуемых задействованными им языковыми средствами. Имеющийся набор русскоязычных версий романа позволяет изучить интерпретацию показателей неопределенности при помощи методик как лингвостилистического, так и количественного анализа. Цель исследования — охарактеризовать специфику интерпретации показателей неопределенности в русских переводах романа о Томе на фоне оригинала в контексте функций, реализуемых ими в нарративе.

Актуальные вопросы сопоставительного изучения показателей неопределенности в оригинальных и переводных текстах

В статье «Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира» Е. В. Падучева отмечает и подкрепляет многочисленными примерами специфическую закономерность: «Разные переводчики сходятся в том, что, как правило, оставляют показатели неопределенности, в избытке присутствующие в русском тексте, без перевода» [12. С. 10]. Автор статьи объясняет такие факты «особой настроенностью» русского языка «на эту семантическую сферу» и выдвигает гипотезу: «Если неопределенность составляет семантическую доминанту русской языковой картины мира, естественно ожидать, что показатели неопределенности будут иметь в русском тексте относительно малый удельный вес; в частности, при переводе будут иметь тенденцию опускаться» [Там же].

Мы же, разбирая приведенные Е. В. Падучевой фрагменты текстов Н. В. Гоголя и А. П. Чехова, при переводе которых на французский язык неопределенные местоимения были опущены, отметим их особенность: собственно неполнота знания персонажа в этих фрагментах отходит на второй план, важнее же всего оказывается субъективизация повествования, на создание которой «работают» и неопределенные эгоцентрики в купе с другими языковыми средствами:

И хотелось *почему-то* плакать. ...И *почему-то* казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца! [Et l'on avait envie de pleurer. ...Et Nadia avait l'impression obscure que toute sa vie serait ainsi, sans changement, sans fin] (А. П. Чехов). Начальники поступали с ним *как-то* холодно-деспотически [Ses supérieurs le traitaient avec une froideur despotique] (Н. В. Гоголь).

В целом ряде примеров, разобранных Е. В. Падучевой, показатель неопределенности при переводе исчезает (как в первом приведенном примере, где наблюдается овнешнение точки зрения во французской версии), в некоторых же случаях его значение частично передается при помощи артикля (как во втором примере), однако такое регулярное грамматическое средство, как артикль, не обладает эквивалентной лексическому элементу интенсивностью выражения прагматического «заряда» показателя неопределенности.

Эти наблюдения могут быть сопоставлены с результатами исследования В. А. Нуриева, проведенного на материале данных параллельного русско-французского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Помимо тех случаев, когда «признак неопределенности получает переводную реализацию в качестве отдельной лексемы, в которой закреплено соответствующее значение», зафиксировано значительное количество контекстов, где он, «снижая интенсификацию и “расщепляясь”, грамматикализуется при помощи артикля» [10. С. 16].

Выбранный нами материал позволяет рассмотреть языковые и смысловые трансформации в обратном направлении — при переводе на русский язык. Наличие конкурирующих переводческих версий поможет отметить степень регулярности тех или иных преобразований, сопряженных с использованием показателей неопределенности.

Интерпретация показателей неопределенности в русских переводах романа: основные закономерности

Значительная часть романа «Приключения Тома Сойера» представляет собой третьеличное *субъективированное повествование* (диалоги мы в данном анализе не привлекаем): точка зрения нарратора сближается с позицией различных персонажей: Тома, Гека, тети Полли, Бекки, учителя воскресной школы, формируя фрагменты текста с внутренней фокализацией [21; 22]. Именно в этих зонах романа аккумулируются эгоцентрики разных типов [17], и среди них — средства выражения семантики

неопределенности. Конкретные функции показателей неопределенности в романе различны. Такие элементы могут:

— демонстрировать ограничение точки зрения персонажа (а порой повествователя или читателя), указывая на неполноту его знания о ситуации («Локоть его упирался во *что-то* твердое»);

— акцентировать невозможность дать более точную номинацию или характеристику чему-либо («В поцелуе тети Полли было *что-то* такое, отчего уныние Тома сразу развеялось»);

— свидетельствовать о дефокусировании: неопределенность сведений об участнике или событии обусловлена его неважностью для говорящего или мыслящего субъекта («Отставной художник сидел рядом в холодке на *каком-то* бочонке»).

Для нашего исследования существенно, что все эти функции имеют общую составляющую — они подчеркивают *субъективность* точки зрения в соответствующих фрагментах повествования.

В оригинальном тексте разнообразные лексические показатели неопределенности используются вкуче с грамматическими (артиклями). Среди лексических показателей — не только слова с элементами *some* и *any* в соответствующем значении, но и разнообразные сочетания: *a touch of, a bit of, a sort of, a kind of, a stretch of* и подобные, подчеркивающие приблизительность и субъективность характеристики или номинации. Интересно, что подобные элементы активнее используются в определенных фрагментах текста — в первую очередь, в тех частях повествования, где, по замыслу автора, нарастает *саспенс* (ночь на кладбище, сцена в заброшенном доме, поиски выхода из пещеры и т. д.). В целом переводчики внимательно и корректно интерпретируют подобные смыслы при помощи широкого спектра русских лексических средств (в первую очередь неопределенных и слабоопределенных местоимений и наречий), а также конструкций с неопределенно-личным и неопределенно-предметным субъектом [4. С. 115—118].

Однако, помимо многочисленных случаев адекватной передачи всеми русскими переводчиками романа о Томе значения неопределенности в контексте незнания, неточности номинации или дефокусирования, мы обнаруживаем ряд ситуаций, в которых переводчики *добавляют показатели неопределенности* в тех контекстах, где такое значение в оригинале не было акцентировано при помощи лексических средств. Таким образом, анализируя переводы на русский язык, мы сталкиваемся

с явлением, «зеркально» соответствующим тому, которое было выявлено Е. В. Падучевой в переводах с русского языка, и можно предполагать, что перед нами — два следствия одной и той же закономерности. Рассмотрим это явление подробнее.

1. *Спорадические «вставки» показателей неопределенности* возникают в контекстах, где *субъективизация повествования повышена* (точка зрения повествователя сближается с позицией персонажа). Статистические сопоставительные подсчеты лексических показателей неопределенности в переводах по сравнению с оригиналом не могут быть информативными, поскольку в английском языке их использование поддерживается артиклями, отсутствующими в русском. Однако, сравнивая русские переводы между собой, нетрудно заметить, что количество показателей неопределенности в них может различаться (действуют различные переводческие стратегии). Следовательно, для изучения природы подобных «вставок» в переводе нам нужно в первую очередь обратиться к сопоставительному анализу текстов.

<p>A whole hour drifted by, the master sat nodding in his throne, the air was drowsy with the hum of study.</p>	<p>Прошел целый час, учитель дремал, сидя на своем троне, в воздухе стояло усыпляющее гуденье (пер. С. Воскресенской).</p> <p>Прошел целый час. Учитель сидел на троне и клевал носом. От гуденья школьников, зубривших уроки, самый воздух стал какой-то сонный (пер. К. Чуковского).</p>
---	--

Все переводы, так же как и оригинал, представляют нам сцену из повествования в контексте восприятия главного героя. Слово *какой-то*, использованное К. Чуковским, не добавляет в это описание существенного смысла, оно оттеняет субъективность метафоры, возникающей в ощущениях (даже не в сознании) Тома, изнывающего от скуки на уроке.

<p>And then it was discomfoting to see Huck eyeing Joe's preparations so wistfully, and keeping up such an ominous silence.</p>	<p>Смущало его и то, что Гек очень уж внимательно следил за приготовлениями Джо, храня зловещее молчание (пер. М. Энгельгардта).</p> <p>Еще более беспокоил его вид Гека, жадно следившего за сборами Джо. В молчании Гека Том чувствовал <i>что-то зловещее</i> (пер. К. Чуковского).</p>
---	--

Сравним последнюю фразу перевода К. Чуковского с вставкой в версии А. Климова: «Вдобавок и Гек пристально следил за сборами Джо, храня зловещее молчание. *Запахло мятежом*» (пер. А. Климова). Очередная коллизия романа дана нам сквозь призму восприятия главного героя, понимающего, что друзья вот-вот поссорятся с ним, и лихорадочно ищущего способ сохранить свое влияние, удержать ребят на острове. Если А. Климов «дописывает» ощущения Тома, то К. Чуковский стремится «погрузить» в них читателя, не отступая значительно от оригинала, и неопределенный эгоцентризм служит ему для этих целей.

Сопоставление переводческих версий показывает, что появление дополнительного показателя неопределенности может быть сопряжено с акцентированием внутренней фокализации фрагмента повествования.

2. В тех случаях, когда герой сильно испуган или заинтригован, увеличение субъективизации при помощи показателей неопределенности наблюдается в большем количестве переводов. В примерах ниже жирным курсивом выделены показатели неопределенности, светлым курсивом — все остальные эгоцентрики.

So he lay still, and stared up into the dark. Everything was *dismally* still. By and by, out of the stillness, little, scarcely *perceptible* noises began to emphasize themselves. The ticking of the clock began to bring itself into notice. Old beams began to crack mysteriously. The stairs creaked faintly. *Evidently* spirits were abroad.

И онъ лежалъ смирно, вперивъ глаза въ темноту. Всюду господствовала томительная тишина. *Слышалось* тиканье часовъ; старыя балки покрякивали тихонько, на лѣстницѣ **что-то** скрипнуло. *Ясно было*, что духи разгуливаются (пер. С. Воскресенской). ...Царила **какая-то** зловещая тишина. Мало-помалу в тишине стали *выделяться* едва уловимые звуки. Тиканье часов сделалось явственно *слышимым*. Старые балки начинали таинственно покрякивать. Ступеньки на лестнице слабо закрипели. *Очевидно*, духи пустились в свои похождения (пер. М. Энгельгардта). ...*Вокруг* царила гнетущая тишина, но постепенно из этой тишины начали *выделяться* **какие-то** незначительные, порой едва различимые звуки. *Внизу* тикали часы. Старые балки на чердаке таинственно потрескивали. Поскрипывала лестница, — *должно быть*, по ее ступеням бродили духи (пер. А. Климова).

Весь приведенный фрагмент повествования окрашен эгоцентрическими смыслами: слова, указывающие на процесс восприятия (*perceptible, notice*), соседствуют с лексикой, называющей перцептивные признаки происходящего (*noises, ticking, crack, crick*), с их эмоциональной интерпретацией (*dismally, mysteriously*), а также с показателем персуазивности (*evidently*), маркирующим границу перехода от слуховых впечатлений к фантастическому их объяснению. Бессобытийный в сюжетном плане эпизод наполняется динамикой благодаря насыщенному плану модуса, саспенс возникает практически «из ничего». Показатели неопределенности акцентируют субъективность восприятия происходящего (отметим, что в переводе А. Климова добавляются также дейктики — *вокруг* и *внизу*), оттеняя напряжение отрывка смыслами ограниченности восприятия и неполноты знания. Марк Твен уделяет немало внимания в повествовании и особенностям детского видения мира, и суевериям, распространенным, как он пишет во вступлении к роману, «среди детей и рабов в эпоху, к которой относится рассказ». Поэтому нарратив не лишен и мистической составляющей, характеризующей мир в рамках точки зрения определенных героев: Тома, Гека, Джо Гарпера, тети Полли.

В ряде случаев к лексическим средствам в русских переводах подключаются синтаксические:

The next day he hung about the courtroom, drawn by an almost irresistible impulse to go in, but forcing himself to stay out. Huck was having the same experience. They studiously avoided each other. Each wandered away, from time to time, but the same dismal fascination always brought them back presently.

На следующий день он с утра вертелся возле здания суда; его неудержимо **тянуло** войти внутрь, и только отчаянным усилием воли он сумел удержать себя от этого. Гек тоже был здесь, и ему **хотелось** того же. Они избегали смотреть друг на друга, и то один, то другой пытались уйти подальше от этого страшного места, но **какая-то непреодолимая сила** возвращала их обратно (пер. А. Климова). ...**Какая-то** непреодолимая сила влекла его внутрь, но он принуждал себя остаться на улице. То же самое испытывал и Гек. Они старательно избегали друг друга. Время от времени и тот и другой уходили **куда-нибудь** подальше, но те же **зловещие чары** снова тянули их к прежнему месту (пер. К. Чуковского).

При обозначении (см. светлый курсив) таинственных сил, действующих на мальчиков (в их воображении), переводчики добавляют неопределенные местоимения (причем в различных местах фрагмента), а в вариантах А. Климова (а также Н. Дарузес и С. Ильина) использованы синтаксические конструкции с неопределенным каузатором (*Ego тянуло войти внутрь*), подчеркивающие неконтролируемость состояния героев [4. С. 124] и поддерживаемые предикатом *хотелось* со значением инволютивности. Нельзя не отметить, что именно слова *тайна* и *таинственный* наиболее часто сопровождаются неопределенными местоимениями в русских переводах, не привнося новых смыслов, а выделяя представленную точку зрения персонажей: «В таверне похуже номер второй был *какой-то* таинственный» (пер. К. Чуковского); «...номер второй представлял *что-то* таинственное» (пер. С. Воскресенской); «Всякого, кто стоял здесь в сумраке, охватывали чувства самые романтические, ощущение *некой* тайны» (пер. С. Ильина).

3. Другой типичный контекст для вставки неопределенных эгоцентриков — это *описание, акцентирующее субъективное зрительное или слуховое восприятие* ситуации. В таких фрагментах слова со значением неопределенности указывают на ограничение точки зрения персонажа (он может интерпретировать только то, что доступно его восприятию), их функционирование поддерживается лексикой с перцептивной семантикой и дейктическими показателями: «Вскоре Том нашел подземное озеро, которое, тускло поблескивая, уходило *куда-то* вдаль, так что его очертания терялись

во мгле» (пер. Н. Дарузес); «[он] хотел было вернуться, но вдруг увидел вдали *какой-то* проблеск, вроде как бы дневной свет» (пер. К. Чуковского); «товарищ Индейца Джо... вытащил оттуда мешок, в котором *что-то* приятно зазвенело» (пер. К. Чуковского). Важно подчеркнуть: во всех обнаруженных случаях вставка неопределенного эгоцентрика отнюдь не является вынужденной мерой и некоторые переводы обходятся без нее, например:

He soon Вскорѣ ножъ уда-
 struck wood рился о дерево, рился о *что-то*
 that sounded и по стуку слыш- деревянное, пус-
 hollow. ное было, что там тое, судя по зву-
 пустота (пер. ку (пер. С. Воск-
 Н. Дарузес). ресенской).

Можно выделить варианты С. Воскресенской, К. Чуковского и Н. Дарузес (см. таблицу ниже) как более активно использующие форманты *-то*, *-нибудь* и в целом неопределенные местоимения и наречия¹.

¹ Неоцифрованные ранние переводы романа демонстрируют в аналогичные тенденции в использовании показателей неопределенности. Переводчики передают оригинальные смыслы и иногда дополнительно вводят неопределенные местоимения, акцентируя субъективизацию повествования, например: *a new boy* — новый мальчик, встреченный Томом, в анонимном переводе 1918 г. назван «каким-то мальчиком», в анонимном переводе 1907 г. «каким-то совершенно незнакомым ему мальчиком», а его яркий галстук, вызвавший зависть героя, сделан из «какой-то пестрой ленты». Точные же подсчеты по этим материалам затруднены.

Использование неопределенных местоимений и наречий в русских переводах романа

	Воскресенская 1896	Энгельгардт 1911	Чуковский 1935—1958	Дарузес 1948	Ильин 2011	Климов 2012
-то	114	78	97	93	85	84
-либо	11	13	3	0	10	5
-нибудь	76	54	60	87	29	51
кое-	6	12	10	11	9	12
Некто	0	0	0	0	1	0
Нечто	5	5	4	1	12	3
Некий (во всех формах)	0	0	1	0	17	1
Один (слабо-опред.) (во всех формах)	27	18	30	23	23	23
Некоторый (во всех формах)	12	6	4	8	4	10
Иные (слабо-опред.)	1	1	2	0	0	1
Всего	252	187	211	223	190	191

Интересно, что диахронических различий в использовании неопределенных местоимений у переводчиков зарегистрировано не было, распределение слов с книжной и нейтральной окраской, скорее, обусловлено индивидуальной стилистической манерой каждого интерпретатора (в оригинале все лексические показатели неопределенности имеют нейтральную стилистическую окраску).

Лидером по вставкам неопределенных эгоцентриков является С. Воскресенская, однако и К. Чуковский, и Н. Дарузес также нередко используют этот прием акцентирования субъективизации повествования. Если С. Воскресенская и К. Чуковский, как показывают примеры выше, чаще вводят так называемые собственно неопределенные местоимения с формантом *-то* [12. С. 6], то Н. Дарузес активнее задействует нереферентные местоимения с компонентом *-нибудь*, усиливая с их помощью эмоциональную напряженность некоторых фрагментов в рамках несобственно-прямой речи или субъективированного повествования, ср.:

No — better still, he would join the Indians, and hunt buffaloes and go on the warpath in the mountain ranges and the trackless great plains of the Far West, and away in the future come back a great chief, bristling with feathers, hideous with paint, and prance into Sunday-school, *some* drowsy summer morning, with a blood-curdling war-whoop...

Нет, еще лучше, он уйдет к индейцам, будет охотиться на буйволов, вступит на военную тропу, *где-нибудь* там, в горах или в девственных прериях Дальнего Запада, и *когда-нибудь* в будущем вернется великим вождем, весь утыканный орлиными перьями, страшно размазанный, и в *какое-нибудь* мирное летнее утро ворвется в воскресную школу с диким военным кличем... (пер. Н. Дарузес).

4. Слабоопределенные местоимения, чаще используемые при *дефокусировании*, а не при создании саспенса, обнаруживаются в переводах приблизительно в одном и том же количестве, однако у переводчиков есть свои предпочтения: так, С. Ильин активно использует слово *некий* (во всех формах), К. Чуковский и С. Воскресенская — слово *один*, А. Климов и С. Воскресенская — слово *некоторый*.

Нельзя не отметить, что и дефокусирование в нарративе по природе своей субъективно. Ярким примером тому может служить фрагмент размышлений Тома о Бекки в момент их ссоры: «Том решил, что может теперь обойтись и без Бекки

Тэтчер. Довольно с него и славы. Ради нее и будет он жить отныне. Теперь, когда он стал такой знаменитостью, Бекки, наверное, захочет с ним помириться. Что же, пусть попробует — увидит, что и он может быть таким же холодным, как *некоторые другие*» (пер. С. Ильина). Данный пассаж несобственно-прямой речи и в оригинале, и во всех переводах избобилует эгоцентриками: дейктическими элементами, оценочной лексикой, показателями персуазивности и эмоционально-экспрессивными конструкциями. Отметим в нем специфическое, но вполне естественное для контекста с внутренней фокализацией использование местоимения *некоторые* (в оригинале — *some other people*) с определенной референцией (речь идет именно о Бекки) и «отчуждающей», оценочной прагматикой (вспоминается Татьяна в восприятии Онегина: «его не видят, с ним ни слова» [9. С. 52; 18. С. 26]).

Подобные приемы воспроизводятся всеми переводчиками, однако нами зарегистрированы и случаи добавления неопределенных и слабоопределенных местоимений в контексте дефокусирования. Они встречаются в переводах С. Воскресенской и К. Чуковского, например: «Не будь этого, Инджэнь Джо не заподозрил бы ничего. Онъ не воротился бы за своим золотомъ и серебромъ, пока не “отмстил” бы *тамъ кому-то*, а когда явился бы за сокровищемъ, то уже и не нашель бы его» (пер. С. Воскресенской); ср.: *till his “revenge” was satisfied* — «когда ему удастся осуществить свою “мечь”» (пер. М. Энгельгардта). «В это время она как раз прошла мимо, и он оказал ей *какую-то* колкость» (пер. К. Чуковского); ср.: *He... delivered a stinging remark as he passed* — «он... послал ей вслед язвительное замечание» (пер. А. Климова). Не изменяя кардинально семантику фрагментов нарратива, эти средства оттеняют распределение важной и неважной для носителя точки зрения информации: в первом случае Том и Гек думают о деньгах индейца Джо, которые чуть было им не достались, они пока еще не осознали, что объектом мести мести могут оказаться они сами; во втором примере для разозлившегося Тома важно «уколоть» Бекки, отвергнувшей примирение, при этом слова, пущенные в ход, несущественны, они даже не названы.

Таким образом, добавление переводчиками показателей неопределенности в контексте реализации всех отмеченных нами функций обусловлено целым рядом факторов: это и, по выражению Е. В. Падучевой, «особая настроенность» русского языка «на эту семантическую сферу», сформированная в отсутствие регулярных и менее интенсивных грамматических

средств выражения соответствующего значения, и смысловая и прагматическая специфика оригинала, где одним из ключевых механизмов, формирующих нарратив, становится субъективизация, и индивидуальные переводческие стратегии, в большей или меньшей степени акцентирующие авторские приемы при помощи средств русского языка.

Заключение

Результаты анализа русских переводов романа «Приключения Тома Сойера» позволяют сделать вывод, что показатели неопределенности периодически добавляются переводчиками в изначально субъективированные фрагменты нарратива, наполненные перцептивной и авторизирующей лексикой, дейктиками, словами, выражающими эмоции и оценки героя, а также персуазивные смыслы, — то есть эгоцентриками. Не меняя смысла предложения, они оттеняют выбранный в рамках определенной точки зрения ракурс отображения ситуации и дополнительно приближают читателя к сознанию фокального персонажа. Это происходит при реализации всех выявленных нами функций показателей неопределенности в романе: при указании на неполноту знания субъекта о ситуации, при акцентировании невозможности дать чему-либо точную номинацию или характеристику, а также при дефокусировании.

Добавляя показатели неопределенности, переводчики действуют в рамках выбранной ими стратегии, основанной на индивидуальной интерпретации оригинала, — они в большей или меньшей степени дополнительно подчеркивают созданную автором внутреннюю фокализацию в соответствующих фрагментах романа. В субъективированном третьеличном повествовании на русском языке эта роль неопределенных эгоцентриков оказывается особенно важной. Русский язык не просто подчеркивает неопределенность — он активно маркирует субъективность. В этом, на наш взгляд, и заключается одно из возможных объяснений отмеченной Е. В. Падучевой и подтверждаемой исследованным нами материалом неадекватности соотношения русскоязычных нарративов (оригинальных и переводных) и их коррелятов на западноевропейских языках в плане насыщенности лексическими показателями неопределенности: в фокализованном повествовании на русском языке допустимо большее количество подобных лексических маркеров, подчеркивающих субъективность, чем в соответствующем иноязычном тексте, где задействована система артиклей — более регулярных, но менее интенсивных средств ее выражения, и где языковая картина мира располагает другим набором семантических доминант.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. — Л., 1979. — 259 с.
2. Бондарева, Т. Э. Диахрония категории определенности/неопределенности: на материале русского языка и языков разных систем : дис. ... канд. филол. наук / Т. Э. Бондарева. — Ростов на/Д, 2011. — 175 с.
3. Зборовец, И. В. Неопределенные местоимения как примета стиля Н. Г. Гарина-Михайловского / И. В. Зборовец // Филол. науки. — 1984. — № 5. — С. 69—71.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. — М., 1998. — 528 с.
5. Керо-Хервилья, Э. Ф. Сопоставительное изучение неопределенных местоимений-прилагательных в русском и испанском языках в рамках референциального подхода / Э. Ф. Керо-Хервилья // Вестн. ЦМО МГУ. — 2001. — № 2. — С. 179—195.
6. Кобозева, И. М. Опыт прагматического анализа -то и -нибудь местоимений / И. М. Кобозева // Изв. АН СССР. — 1981. — Т. 40, № 2. — С. 65—172.
7. Кузьмина, С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений / С. М. Кузьмина // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. — М. : Наука, 1989. — С. 158—231.
8. Лишаев, С. А. А. П. Чехов: стилистика неопределенности / С. А. Лишаев // Mikstura verborum'99: онтология, эстетика, культура : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. — Самара, 2000. — С. 144—155.
9. Никитина, Е. Н. Другие в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета / Е. Н. Никитина // Gramatyka a tekst. Т. 4. — Katowice, 2014. — С. 45—61.

10. Нуриев, В. А. Исследование категории неопределенности в русском языке на материале корпусных данных / В. А. Нуриев // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитар. науки. — 2015. — № 24, вып. 28. — С. 14—18.
11. Онипенко, Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств / Н. К. Онипенко // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. — СПб., 2013. — С. 92—121.
12. Падучева, Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева, 1996. — URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf (дата обращения 02.02.2020).
13. Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. — М., 1996. — 464 с.
14. Падучева, Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. — М., 2019. — 440 с.
15. Сеничкина, Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке / Е. П. Сеничкина. — М., 2002. — 307 с.
16. Смирнов, Ю. Б. Семантика и функционирование местоименных слов со значением неопределенности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Смирнов. — Л., 1985. — 218 с.
17. Уржа, А. В. Классификация эгоцентрических средств языка сквозь призму анализа переводного нарратива. Функциональное взаимодействие эгоцентриков / А. В. Уржа // Филология и человек. — 2019. — № 4. — С. 43—58.
18. Уржа, А. В. Неопределенно-личные предложения в русских переводных нарративах (конец XIX — XX в.): модусная семантика, прагматика / А. В. Уржа // Мир рус. слова. — 2019. — № 2. — С. 24—31.
19. Хон Чжун Хюн. Текстовые функции неопределенных местоимений в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Хон Чжун Хюн. — М., 1998. — 183 с.
20. Шелякин, М. А. О семантике употребления неопределенных местоимений в русском языке / М. А. Шелякин // Семантика номинации и семантика устной речи. Ученые записки. Вып. 442. — Тарту, 1978. — С. 61—68.
21. Genette, G. *Figures III* / G. Genette. — Paris, 1972. — 286 p.
22. Sewell, D. R. *Mark Twain's Languages: Discourse, Dialogue, and Linguistic Variety* / D. R. Sewell. — California, 1987. — 188 p.

Сведения об авторе

Уржа Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. English2@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 113—122.*

FUNCTIONS OF THE MARKERS OF UNCERTAINTY IN THE NOVEL “THE ADVENTURES OF TOM SAWYER” AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS

A.V. Urzha

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. English2@yandex.ru

The article is focused on the lexical and syntactic means of expressing uncertainty in Russian translations of the novel “The Adventures of Tom Sawyer” by Mark Twain, compared to the original and to each other. The markers of uncertainty realize three main functions in the novel: they may point to the limits of the heroes’ knowledge of the situation (or, possibly, narrator’s and reader’s); they may highlight the impossibility of giving precise nomination or description to something; or they realize a defocusing strategy (when the insufficiency of information about a person or an event is caused by its non-importance for the speaker’s aims). All these functions have one thing in common — they foreground the subjectivity of the narrative. The article presents the results of the study of these functions and their interpretation in Russian translations of the book by Mark Twain. These results prove the hypothesis of E.V. Paducheva concerning the uncertainty as a semantic dominant of Russian language.

Keywords: *egocentric words, indefiniteness, translation, Mark Twain.*

References

1. Arakin V.D. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of the English and the Russian language]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1979. 259 p. (In Russ.).
2. Bondareva T.E. *Diakhroniya kategorii opredelennosti/neopredelennosti: na materiale russkogo yazyka i yazykov raznykh sistem* [Diachronic study of the category of definiteness/indefiniteness on the material of the Russian language and the languages of different systems. Thesis]. Rostov-on-Don, 2011. (In Russ.).
3. Zborovets I.V. Neopredelennye mestoimeniya kak primeta stilya N.G. Garina-Mikhaylovskogo [Indefinite pronouns as the component of style of N. G. Garin-Mikhaylovskiy]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1984, no. 5, pp. 69-71. (In Russ.).
4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1998. 528 p. (In Russ.).
5. Kero-Khervil'ya E.F. Sopostavitel'noe izuchenie neopredelennykh mestoimennykh-prilagatel'nykh v russkom i ispanskoy yazykakh v ramkakh referentsial'nogo podkhoda [Comparative study of the indefinite pronouns-adjectives in the Russian and the Spanish languages based on the referential approach]. *Vestnik TsMO MGU* [Bulletin of the Centre of Methodology and Education of Lomonosov Moscow St. Univ.], 2001, no. 2, pp. 179-195. (In Russ.).
6. Kobozeva I.M. Opyt pragmaticheskogo analiza -to i -nibud' mestoimennykh [Pragmatic analysis of the pronouns including -to and -nibud']. *Izvestiya AN SSSR* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1981, vol. 40, no. 2, pp. 65-172. (In Russ.).
7. Kuz'mina S.M. Semantika i stilistika neopredelennykh mestoimennykh [Semantics and stylistics of the indefinite pronouns]. *Grammaticheskie issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt. Supersegmentnaya fonetika. Morfologicheskaya semantika* [Grammar studies. Functional and stylistic aspect. Suprasegmental phonetics. Morphological semantics]. Moscow, 1989. Pp. 158-231. (In Russ.).
8. Lishaev S.A. A.P. Chekhov: Stilistika neopredelennosti [Stylistics of uncertainty]. Lishaev S.A. (ed.). *Mikstura verborum'99: ontologiya, estetika, kul'tura* [Mikstura verborum'99: ontology, esthetics, culture]. Samara, 2000. Pp. 144-155. (In Russ.).
9. Nikitina E.N. Drugie v sintaksicheskoi konstruktsii, v obraznoi sisteme i v razvitiu siuzheta [Others in syntax constructions, in the system of images and in the development of the plot]. Fontanski H., Lubocha-Kruglik J. (eds.). *Grammatika a tekst* [Grammar in a text]. Vol. 4. Katowice, 2014. Pp. 45-61. (In Russ.).
10. Nuriev V.A. Issledovanie kategorii neopredelennosti v russkom yazyke na materiale korpusnykh dannykh [Corpus-based study of the category of uncertainty in the Russian language]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin. The Humanities], 2015, no. 24, iss. 28, pp. 14-18. (In Russ.).
11. Onipenko N.K. Model' sub'ektnoi perspektivy i problema klassifikatsii egotsentricheskikh sredstv [The model of subject perspective and the problem of classifying the egocentric means]. Bondarko A.V., Kazakovskaya V.V. (eds.). *Problemy funktsional'noi grammatiki. Printsip estestvennoi klassifikatsii* [Issues of functional grammar. The principle of natural classification]. St. Petersburg, 2013. Pp. 92-121. (In Russ.).
12. Paducheva E.V. *Neopredelennost' kak semanticheskaya dominanta russkoy yazykovoy kartiny mira* [Uncertainty as the semantic dominant of Russian language model of the world], 1996. Available at: URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf, accessed 02.02.2020. (In Russ.).
13. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow, Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russ.).
14. Paducheva E.V. *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Units in the Language]. Moscow, YASK Publ., 2019. 440 p. (In Russ.).
15. Senichkina E.P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke* [Semantics of paralipsis and the means of its verbalization in the Russian language]. Moscow, Moscow St. Reg. Univ. Publ., 2002. 307 p. (In Russ.).
16. Smirnov Yu.B. *Semantika i funktsionirovanie mestoimennykh slov so znacheniem neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke* [Semantics and functioning of the pronouns with the meaning of indefiniteness in modern Russian. Thesis]. Leningrad, 1985. (In Russ.).

17. Urzha A.V. Klassifikatsiya egotsentricheskikh sredstv yazyka skvoz' prizmu analiza perevodnogo narativa. Funktsional'noe vzaimodeystvie egotsentrikov [Classification of egocentric language units based on the analysis of translated narratives. Functional interaction of egocentrics]. *Filologiya i chelovek*. [Philology and the Man], 2019, no. 4, pp. 43-58. (In Russ.).

18. Urzha A.V. Neopredelenno-lichnye predlozheniya v russkikh perevodnykh narrativakh (konets XIX — XX v.): modusnaya semantika, pragmatika [Indefinite personal constructions in Russian translated narratives (the end of XIX — XX centuries): modal semantics, pragmatics]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2019, no. 2, pp. 24-31. (In Russ.).

19. Khon Chzhun Khyun. *Tekstovye funktsii neopredelennykh mestoimeniy v sovremennom russkom yazyke* [Text functions of the indefinite pronouns in modern Russian. Thesis]. Moscow, 1998. (In Russ.).

20. Shelyakin M.A. O semantike upotrebleniya neopredelennykh mestoimeniy v russkom yazyke [About the semantics and the use of indefinite pronouns in the Russian language]. *Semantika nominatsii i semantika ustnoy rechi. Uchenye zapiski* [The semantics of nomination and the semantics of oral speech]. Iss. 442. Tartu, 1978. Pp. 61-68. (In Russ.).

21. Genette G. *Figures III*. Paris, Seuil, 1972. 286 p. (In French).

22. Sewell D.R. *Mark Twain's Languages: Discourse, Dialogue, and Linguistic Variety*. California, University of California Press, 1987. 188 p.